

А.В. ТРЕТЬЯКОВ

д.и.н., проф. кафедры социально-культурного сервиса и туризма
Курского государственного университета
(г. Курск)

Н.Я. ДАНИЛЕВСКИЙ ОБ ИСТОРИКО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАЧАЛАХ ОСМЫСЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ МОДЕРНИЗАЦИЙ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ

В статье исследуются историко-психологические начала осмысления российских модернизаций, вытекающие из научного наследия Н.Я. Данилевского.

Ключевые слова: народ, модернизация, психологический тип, активность, пассивное сопротивление, устойчивое развитие.

Отечественная, в том числе и современная российская историография, зарубежные исследователи всегда большое внимание уделяли изучению модернизационных процессов, определявших перспективы государственного и социально-экономического развития различных стран. Безусловно, внимание к историческому наследию всегда позитивно. Однако внимательное знакомство с большинством исторических работ обнаруживает тот факт, что отечественные исследователи как советские, так и постсоветские в определённой степени не были свободны, да и не могли быть свободны от политической конъюнктуры. В основном они шли за историей, обосновывая историческую необходимость и целесообразность того, что уже свершилось. Следовательно, объективность не только отходила на второй план, но и исчезала совсем как не нужная. Западные исследователи, преследуя свои цели, опираясь на собственную методологию и перенося «западные исторические клише» на общероссийский исторический процесс так же упускали его сущность, специфику, что естественно отдаляло результаты от исторических реалий и способствовало развитию исторического мифотворчества о России, государстве и народе.

Относительно взаимодействия западных и отечественных исследователей применительно к оценке российских модернизаций XX – начала XXI вв. выясняется то, что западные коллеги пишут нашу историю под себя. Это исторически с точки зрения межгосударственного противоборства закономерно, но не верно. Полагаю, что К. Петрей заложил направления такой методологической деятельности. И теперь отечественные историки закономерности, выявленные западными исследователями, и представленные как универсальные используют как базу для исследования российской истории. Такой подход для изучения истории России не верен уже потому, что у «ней особенная статья» [1, с. 204]. Так об особенностях менталитета русского населения высоко художественно сказал Ю.И. Тютчев. Надо отметить, что дипломат, поэт и член-корреспондент Петербургской Академии наук Ю.И. Тютчев не завершил свой трактат «Россия и запад». Его наблюдения научно обосновал земляк по рождению Н.Я. Данилевский.

Однако активно проделанная большая работа не смогла раскрыть правду истории во всё её противоречии. Почему так произошло? По нашему мнению ответов может быть два. Суть первого в том, что многим правда истории была просто не нужна. Они выполняли заданную им работу и успешно решили поставленные задачи. Суть второго в том, что сторонники раскрытия исторической правды смогли найти её отчасти или удалились от понимания существа российского исторического процесса.

Естественно исторический процесс противоречив, сложен и многомерен. Это делает его труднодоступным для понимания и раскрытия. Геополитические и внутригосударственные факторы не только его формируют, усложняют, делают труднодоступным для понимания и проникновения в сущность. Историография показывает, что основная масса исследователей к изучению событий отечественной и всемирной истории подходила и подходит с позиции исследования политико-организационных процессов в стране и за её пределами, зачастую уходя к синхронному летописанию, смакуя пикантный фактический материал. Но летописание не является историей уже потому, что там отсутствуют мысли и психология людей предопределивших вектор исторического развития.

Проблемы и трудности постижения существа исторического процесса, по нашему мнению, связаны с тем, что в исторических исследованиях человек как историческая фигура, субъект исторического процесса, психотип исторического времени всегда отодвигался на вторые и более дальние планы. При таком подходе человек не являлся полноправным субъектом исторического процесса. Он в основном рассматривался как относительно пассивный исторический объект, на который воздействовали все силы, имевшиеся в государстве и обществе в конкретно-исторических повседневных условиях. Человек рассматривался как исполнитель государственно-общественной воли, будучи сам в меру активным. Эта активность приветствовалась при реализации государственно-общественных инициатив.

При всех оговорках отечественные историки сделали много, но по нашему мнению не смогли должным образом осмыслить сущность происходивших событий. Поэтому от эпохи к эпохе историю переписывали, опираясь на новые факты, но не переосмысливали. Прежде всего, потому, что на практике игнорировали и обходили стороной социальную психологию людей характерную для исторических эпох. Именно её изучение даёт возможность понять социально-культурную, политико-экономическую и иные мотивации поступков и деятельности людей в повседневной жизни исторических периодов и временных промежутков. Поняв мотивы поведения людей, отдельных групп исследователи с достаточной точностью могут определить причины больших достижений, трудности модернизаций, разноплановые факторы неудач, сущность групповых и межличностных противоречий, их воздействие на исторический процесс и судьбу населения.

Именно этими обстоятельствами по нашему мнению объясняется интерес и определяется актуальность работ Н.Я. Данилевского в современной исторической науке. Прогрессивное развитие государства определяется органическими модернизационными процессами внутри страны. В свою очередь их устойчивость и результативность зависят от степени и качества участия в них

всего населения и отдельных людей. Следовательно, прогресс стимулируется социально-психологической мотивацией людей и их деятельной активностью.

Приступая к изучению российских модернизаций, прежде всего, необходимо обратить внимание на интерес и отношение населения к предлагаемым и предстоящим переменам. Как правило, население осторожно и даже недоверчиво отрицательно встречает любые предложения к началу перемен. Почему? «Терпимость составляла отличительный характер России в самые грубые времена», – писал Н.Я. Данилевский [2, с. 187]. Терпимость давала возможность людям увидеть и понять сущность предлагаемых преобразований и собственно-государственную выгоду. Исторический опыт показывает, что успех всегда сопутствовал тем начинаниям, которые были осмысленны и осознаны населением как свои собственные, становились своими и понятными. В данной ситуации своё трансформировалось в ходе практической работы в общегосударственное. Надо сказать, что в России человек в большей степени государственник. Это предопределено как геополитическим, так и природно-климатическим факторами, а так же исторической психологией.

Всемирный и российский исторический опыт показывают, что жизнедеятельность людей всегда осуществлялась в условиях далёких от оптимальных, а зачастую экстраординарных, но осознанно терпимых ими и требующих скорейшего изменения и непрерывного совершенства. Вместе с тем большинство работающего населения практически никогда не приветствовало насильственно вводимых реформ или принимаемых мер, причём как со стороны власти, так и со стороны её оппозиции. На эти качества обращал внимание Н.Я. Данилевский. Он писал, что славянские «народы самую природою избавлены от той насильственности характера, которую народам романо-германским, при вековой работе цивилизации, удастся только перемещать из одной формы деятельности в другую» [2, с. 189].

Приведённые суждения Н.Я. Данилевского и последующие модернизационные усилия партийно-государственных структур в XX – начале XXI вв., «насаждаемые», как правило, свыше, подтверждают тот факт, что в России реформы, «иницированные» таким образом, не только не приводили к ожидаемым результатам, но и обостряли социально-экономическую и политическую ситуацию в государстве и обществе. И даже в таких новых условиях терпимость русского народа брала и берёт верх над сложившимися обстоятельствами. Полагаем, что это весьма красноречиво выражено в анекдотах, которые являются своеобразной формой выражения народной психологии. «Наш народ не может долго терпеть никакого безобразия и поэтому быстро привыкает», – говорится в одном из них [3, с. 7].

Нам представляется, что Н.Я. Данилевский показывает верный путь к осмыслению предпосылок, причин, итогов и последствий российских модернизаций, раскрывая особенности формирования идеологии преобразований. «Как совершаются обыкновенно великие события в жизни народов, – говорит он, – не только европейских, но и других? Какой-либо интерес зарождается вследствие ли исторических обстоятельств или как плод мысли одного из великих двигателей истории. Интерес этот постепенно возрастает, борется с существующим порядком вещей, который он в большей или меньшей степени отрицает, побеждается,

восстает вновь, сначала обороняется, потом наступает, становится наконец победителем и начинает, в свою очередь, преследовать те интересы, которые были некогда господствующими, а теперь, постепенно уступая своему противнику, несколько раз восстают из своего падения, пока наконец не сойдут совершенно обессиленные с исторической сцены» [2, с. 190].

Если мы выборочно коснемся истории российских модернизаций XX – начала XXI вв., то мы увидим, что все они развивались примерно по обозначенному сценарию. К примеру, столыпинские реформы. В повседневных условиях начала XX в. России важно было укрепить свою экономическую мощь, а правящему режиму расширить свою социальную базу. Это было осознано частью прогрессивной правившей бюрократии и реализовано волей неординарной личности П.А. Столыпина. Не вдаваясь в подробности и тонкости дискуссии, следует сказать, что реформы не состоялись и не принесли ожидаемых результатов уже потому, что были привнесены сверху, а значит, не осознаны людьми и всем населением. Именно поэтому они «не срослись» с населением.

Аналогичная с хронологическими и территориальными оговорками ситуация сложилась и в ходе радикальных аграрных реформ конца XX – начала XXI вв. Не учитывая прошлого опыта, но уже в новых повседневных условиях было решено весьма быстро обеспечить продовольственную и сырьевую безопасность государства. И снова за образец было взято западное клише, идеализированы фермеры, не учтён, а возможно проигнорирован по незнанию российский опыт. Вновь идея была привнесена сверху группой реформаторов не только не знавших российской сельскохозяйственной жизни, организации хозяйственной деятельности, но и психологии крестьян и всего сельского населения. Оценить итоги реформ весьма сложно ввиду их неоднозначности и социальной непредсказуемости. Но главное все же состоит в том, что они не привели к прогнозируемым результатам. Прежде всего потому, что делались не «по-нашему» и не стали осознанной на психолого-экономическом уровне основой жизнедеятельности сельского населения в новых условиях.

«Совершенно иначе, – говорил Н.Я. Данилевский, – происходит процесс исторического развития в России. Все великие моменты в жизни русского народа как бы не имеют предвестников, или, по крайней мере, значение и важность этих предвестников далеко не соответствуют значению и важности ими предвещаемого. Сам переворот, однако же, не происходит, конечно, как бог из машины. Только предшествующий ему процесс есть процесс чисто внутренний, происходящий в глубине народного духа, незримо и неслышимо. Старый порядок вещей, или одна из сторон его, не удовлетворяет более народного духа, ее недостатки уясняются внутреннему сознанию и постепенно становятся для него омерзительными. Народ отрешается внутренне от того, что подлежит отмене или изменению, борьба происходит внутри народного сознания, и, когда приходит время заменить старое новым на деле, эта замена совершается с изумительной быстротою, без видимой борьбы, к совершенному ошеломлению тех, которые думают, что все должно совершаться по одной мерке, считаемой ими за нормальную. В народном сознании происходит тот же процесс внутреннего перерождения, который совершается в душе отдельного человека, переходящего из одного нравственного состояния в другое, высшее, получив к прежнему полное

отвращение; тот психологический процесс, о котором нам повествуют многие сказания о жизни христианских подвижников и который обращает египетскую блудницу Марию в идеал святости и целомудрия, процесс, которому каждому из нас случалось слышать или видеть примеры, очень нередко встречающиеся в жизни русских людей» [2, с. 190 – 191].

Отечественная советская и постсоветская историография показывает, что на эту всеобъемлющую психологическую составляющую исторических преобразований смотрели по-разному. Возьмём для примера большевиков. В до-революционный период для реализации собственных целей они весьма активно и последовательно работали с населением. Цель работы состояла в том, чтобы идеи, пропагандируемые большевиками, проникли в массы и были осознаны населением как свои собственные. В 1990-е годы сторонниками радикальных реформ активно насаждался и пропагандировался миф о том, что большевики силой и обманом привлекли народ на свою сторону, то это, будет исторически неверно. Основная масса населения осознанно восприняла предлагаемое ей, поверила и включилась в процесс преобразований как в свое собственное дело. Однако имеются примеры, когда поступки, основанные в том числе и на самопожертвовании, не воспринимались народом. Возьмем, к примеру, 25-ти тысячника С. Давыдова из «Поднятой целины». Он показал, сколько можно вспахать за один световой день. Но казаки понимали, что это противоестественно как для скотины, так и для людей. Живой организм не техника. Идея не прижилась. Однако социальное соревнование через осознание населением смысла повышения производительности труда позволило достичь небывалых трудовых результатов.

Вместе с тем Н.Я. Данилевский в своих работах не возводит в абсолют социальную психологию, общественное влияние. Он говорит об активной роли личности в историческом процессе, понимающей психологию людей и потребности масс. Таким образом, Н.Я. Данилевский подчеркивал, что устойчивость прогрессивных процессов и исторических модернизаций определяется гармонией взаимоотношений личности и населения, осознавшего целесообразность и необходимость перемен к своей и всеобщей выгоде. Важно подчеркнуть, что Н.Я. Данилевский в основу общественно-государственной мотивации поведения населения вкладывал личный интерес отдельного человека, видевшего своё благополучие в государственно-общественной мощи.

В этом смысле Н.Я. Данилевский подчёркивал, что историческая особенность ключевых моментов «развития русского народа состоит в огромном перевесе, который принадлежит в русском человеке общенародному русскому элементу над элементом личным, индивидуальным. Поэтому-то между тем как англичанин, немец, француз, перестав быть англичанином, немцем или французом, сохраняет довольно нравственных начал, чтобы оставаться еще замечательною личностью в том или другом отношении, русский, перестав быть русским, обращается в ничто – в негодную тряпку, чему каждый, без сомнения, видел столько примеров, что не нуждается ни в каких особых указаниях» [2, с. 197].

Анализ историко-партийной литературы, постсоветских работ показывает, что наиболее полно суть высказанных Н.Я. Данилевским мыслей развивалась и применялась в повседневной практической деятельности партийно-государственным руководством СССР. Это наше положение убедительно подтверждается

в интервью А.Г. Гордоном. Отвечая на вопросы, он сказал: «Поэт в России – это деятель, властитель дум. У нас всегда чётко проводились границы между мирским и духовным. Почему состоялся Советский Союз, хотя все обстоятельства были против этого? Да потому что это был масштабный культурный проект, причём последний в истории человечества. Он был построен не на экономике, а чисто на идеологии. Страна была направлена на развитие вверх. «Завтра будет лучше, чем вчера!» – вот главный лозунг Советского Союза. А назовите мне лозунг сегодняшней России. Его нет» [4, с. 3].

«Все мы очень хорошо знаем, – говорил Н.Я. Данилевский, – что освобождению крестьян не предшествовало никакой агитации, никакой, ни изустной, ни печатной, пропаганды; все, казалось, были одинаково к нему не подготовлены, интересы единственного образованного сословия в государстве ему противоположны и по самой сущности дела враждебны. Однако все совершилось быстро, с невероятным успехом. Крестьяне не просто освобождаются на европейский лад, а наделяются землею, и все это без всякой борьбы, без всякого сопротивления с какой бы то ни было стороны и без каких-либо партий... кроме разве некоторых уродливых и ничтожных претензий на партию, представляемых газетою «Вестъ» Что все обойдется благополучно со стороны народа, в этом были уверены все, сколько-нибудь знавшие Россию. Но уверенность в едином спасительном исходе дела, я думаю, поколебалась у многих, когда сделалось известным, что введение реформы поручается лицам от дворянства, предлагаемым предводителями и утверждаемым губернаторами, без участия депутатов со стороны крестьян, без всякого влияния их на выбор посредников. По всем европейским понятиям, от которых всем нам так трудно вполне отрешиться, должно было полагать, что интерес крестьян, преданный в руки противоположного ему интереса дворян, будет нарушен, насколько это только возможно без нарушения буквы закона; а мы знаем, как широка эта возможность. Казалось, что исполнение, применение лишат закон его существеннейшего значения. И такое опасение оказалось совершенно основательным там, где исполнителями, посредниками явилось не русское дворянство, а польское шляхетство. В России реформа совершилась так, как не только Европа, но и большинство из нас самих не могли себе представить. Русский народ – как крестьянство, так и дворянство – выказал себя в таком свете, что, дабы достойным образом обозначить характер их деятельности в это время, должно обратиться к языку народа, у которого все нравственно высокое, все добродетельное имело характер гражданский» [2, с. 193 – 194].

Опыт проведения постсоветских модернизаций показывает, что все начинания властных структур по реформированию различных сторон жизнедеятельности населения практически всегда не давали в полном объёме предполагаемых результатов. Достаточно часто реформы заканчивались стадией разрушения, не переходя к созиданию нового на основе ценностей прошлого и современных достижений. Ответ на вопрос, почему пробуксовывают, казалось бы, продуманные досконально реформы практически не найден. Возможно, это естественно и закономерно. Полагаем, что весьма трудно признаться в незнании собственного народа, его психологии, способа и образа жизни. Как правило, среди сдерживавших факторов назывались: недостаточное материально-финансовое обеспечение, отсутствие должного контроля, слабая дисциплина и

прочее. Естественно, что всё это всегда и везде имело место. Но не следует, эти факторы абсолютизировать и не они являлись в прошлом и являются теперь определяющими.

Мы полагаем, что ответ на данный вопрос дал Н.Я. Данилевский. Исследуя факторы преобразований в России и причины их неудач, споря с оппонентами, он подчёркивал, что многое можно «объяснить... давлением власти, отсутствием энергии в защите своих интересов, влиянием бюрократического элемента и т.д. Конечно, правительственная власть в России имеет большую силу материальную и еще большую нравственную, но мы очень хорошо знаем, что в этом деле ей вовсе не приходилось себя обнаруживать. Мы знаем также, что, дабы сделать все усилия ее бесплодными, не было бы надобности ни в каком деятельном сопротивлении, что для этого было бы вполне достаточно сопротивления пассивного, недобросовестного отношения к делу» [2, с.194 – 195].

В чём суть пассивного сопротивления? Ответ достаточно прост. Люди не препятствуют тому, что предлагает власть и одновременно ничего не предпринимают по практической реализации намеченного и предложенного им. Эта пассивность становится возможной и развивается в основном потому, что люди не осознают предложенного им, не видят в нём государственной и своей собственной выгоды. Основа социально-реформаторской пассивности коренится в непонимании государственно-собственных интересов в предлагаемых модернизационных проектах. Следовательно, реформаторы в определённой степени не только не знали российского предмета реформирования, но и не знали особенностей собственного населения. В большей степени ему отводилась пассивная роль, народу не доверяли созидательной деятельности по незнанию его особенностей и возможностей.

Вместе с тем подчёркивал Н.Я. Данилевский: «несправедливо бы было заключить из общего характера, которым отличались все главные перевороты в жизни русского народа, об отсутствии в нем всякой энергии и самостоятельности, о его воскоподобной мягкости, по которой из него можно лепить что угодно. Мы видим другие примеры, что величайшие усилия правительства не приводили ровню ни к чему там, где цели его были противны народному убеждению или даже где народ относился к его целям совершенно равнодушно. Пример старообрядства доказывает первое, пример же множества учреждений, реформ, нововведений, оставшихся мертвовой буквою, пустою формою без содержания, хотя против них не только не было активного, но даже и пассивного сопротивления, а было только совершенно равнодушное, безучастное к ним отношение, достаточно доказывает второе» [2, с. 195].

Отечественной и зарубежной историографией точно установлено, что все модернизации в России осуществлялись не в полном соответствии с ранее разработанными планами, постоянно корректировались и, как правило, не давали ожидаемых результатов. Многие реформаторские проекты так и оставались проектами, хотя всё население страны всегда выступало за постоянное совершенствование условий жизнедеятельности всего населения.

В данной ситуации в классической схеме причин неудавшихся реформ усматриваются объективные условия и субъективные факторы. Причём последние рассматривались в виде недисциплинированности, безответственности,

при советской власти в низкой партийной или комсомольской сознательности. Всё это имело место, что естественно в любом государственно-общественном механизме.

Вышеизложенное позволяет нам сделать определённые наблюдения, обобщения и выводы. В своих трудах и работе «Россия и Европа» Н.Я. Данилевский одновременно с Ф.И. Тютчевым, формируя позитивный образ России в Европе, показал социально-психологические особенности российского населения как базу формирования менталитета и основу самоидентификации, раскрыл историко-психологические основы осмысления российских модернизаций XX – начала XXI вв.

Социально-психологические особенности российского населения, выявленные Н.Я. Данилевским, на основе изучения жизнедеятельности людей в исторических природно-климатических и геополитических условиях открывают путь к пониманию всех или наиболее существенных аспектов российских модернизаций и особенно механизмов их практической реализации. Работы Н.Я. Данилевского показывают, что модернизации XX – начала XXI вв. задумывались и проводились для решения насущных ключевых социально-экономических проблем. Однако они во многом встречали пассивное сопротивление населения, прежде всего потому, что не понимали замысла и сущности реформ. Модернизации пробуксовывали или вовсе прекращались, не давали ожидаемых результатов, приводили к непредсказуемым последствиям потому, что реформаторы, как правило, не знали систем, которые начинали реформировать, и не учитывали, а зачастую просто не знали исторических социально-психологических особенностей населения, сословий и групповых стратегий.

Список источников и литературы

1. Тютчев Ф. Проблеск: [стихотворения]. – СПб., 2012. – 239 с.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Сост., послесловие и комментарии С.А. Вайгачева. – М.: Книга, 1991. – 574 с.
3. Анекдоты в номер // Комсомольская правда. – 2014. – 25 июня.
4. Грачёв С. Жизнь за забором. Александр Гордон – о совести, страхе и врагах // Аргументы и факты. – 2014. – 3 – 9 сентября.

A.V. TRET'YAKOV

Doctor of History, Professor of Social-Cultural Service and Tourism Department,
Kursk State University (Kursk)

N.Ya. DANILEVSKIY ABOUT HISTORICAL-PSYCHOLOGICAL BASIS OF UNDERSTANDING OF RUSSIAN MODERNIZATION OF THE XXTH – THE BEGINNING OF THE XXIST CENTURY

In the article historical-psychological basis of understanding of Russian modernization is investigated, resulting from the scientific heritage of N.Ya. Danilevskiy.

Keywords: people, modernization, psychological type, activity, passive opposition, steady development.